

«Удивляйтесь всему, что встречается на вашем пути...»

Наш журнал завершает публикацию избранных материалов из архива русского художника Е. Д. СПАССКОГО (1900–1985), приуроченную к 120-летию со дня его рождения (начало цикла – в № 8, 2020). Тексты и картины мастера представлены Фондом наследия Евгения Спасского. Публикация и комментарии подготовлены С. Г. Антоненко, В. П. Головиной, А. Р. Ефименко, Д. В. Жуковым.

Музыка

Окончание. Начало в № 9

Перейдём к следующей форме ансамбля, в которой написано невероятное количество музыки, это квартет. [...] Квартет – это низшая, земная четвертичность. Четвертичность, которая лежит в основе всего Мироздания. Вправе ли она существовать в том виде и в том составе, который узаконено вошёл в нашу музыкальную жизнь? До сих пор об этом, я вижу, не задумывался ни один композитор. А сейчас надо подойти к этому вопросу вполне сознательно. Надо постараться расшифровать ансамблевую форму квартета, осознать её.

Всмотритесь открытой и непредвзятой душой в состав квартета – две скрипки, альт и виолончель. Разве это не абсурд? Ведь это – не отвечающее правде, случайное, расщеплённое соединение. [...] Это ведь загрязнённый, замусоренный дуэт. Причём одна сторона гиперболически усилена – две скрипки и альт, а другая – виолончель – сведена на нет. Здоровое ли это начало? [...] Такой квартет нельзя слушать. Он вызывает только боль и большую в душе пустоту. А это всё потому, что писалась музыка совершенно оторванно от жизни, от жизни человеческой, от жизни природы и от Космической жизни. Рассудок, которому доверился человек, повёл его по ложному пути.

Квартет – это четвертичность, которая лежит и в основе человеческого существа, и в основе мира. Четыре царства Мироздания: первое – минеральное царство, которое может быть передано правильно щипковыми инструментами: арфой, лирой, гитарой, гуслями, клавесином и фортепиано [...]

этот последний уже ударный инструмент и из всех перечисленных самый скверный, самый холодный, и прав был Вольтер, который называл его «изобретением кастрюльщика».

Второе царство – растительное, оно ближе всего может быть передано духовыми, тростевыми инструментами, как то: кларнетом, фаготом, английским рожком, и избегать надо флейты современной/холодной, острый и грубый инструмент/.

Третье царство – животное. Это скрипка или альт. И, наконец, четвёртое – человеческое царство. Это виола да гамба, виолончель или контрабас.

Причём каждый исполнитель должен ясно себе представлять, из какого царства он должен звучать. Пока и музыки для таких квартетов ещё не написано, но уже пора писать. А прежде написанные квартеты безответственны и внешне выдуманные. К такой безответственной музыке и тянет пустых или несформировавшихся, или внутренне мёртвых музыкантов. [...]

Так же смыслово можно описать и квинтет. Что это за ансамбль – квинтет, и к чему в нём надо стремиться? В квинтете надо

найти полную гармонию пяти чувств, пяти щупалец человека, которыми он пользуется, чтобы мудро и сознательно пройти свою жизнь. Это сложнейшая и благороднейшая форма ансамбля, которую надо пережить, погрузившись в человеческое существо и осмыслить до конца [...]. Квинтет – это полное взаимоотношение человека и мира. Взаимопонимание, переживание и восприятие человеком своими пятью чувствами Вселенной и самого себя. [...]

В центре стоит человек, полиощенный человек, владеющий всеми пятью чувствами: слухом, зрением, осязанием,

Иоганн Себастьян Бах за работой. 1977

обонянием и вкусом. И выше сияет космическая пентаграмма чувств: вера, надежда, любовь, жертва и причастие. И это передать в музыке; вот грандиозная задача для музыканта. До последних годов двадцатого века ничего подобного в музыке не было. Да и во всех областях искусства мы стоим перед чистым и необъятным полем, которое нужно вновь вспахать и сеять мудрые, светлые семена будущей славянской, наступающей шестой культуры¹.

Следующая ансамблевая форма – секстет. Форма абсурдная, которая не должна существовать. Есть ансамблевая форма трио, или терцет. Форма совершенная, и для чего и какой в том смысл, чтобы терцет удваивать. Так же, как и октет. Этот вид ансамбля бессмысленный, создание слепого человеческого рассудка. К чему удваивать квартет – это не обосновано и духовная бессмыслица. Септет и нонет² – это ансамблевая форма законченная. Форма человеческого тела. Семеричность строения Вселенной, планетарной жизни Земли³. В этих ансамблях заложена большая мудрость. Её должен понять и расшифровать композитор.

Следующие виды ансамбля могут быть связаны только с числом двенадцать и двадцать четыре. Число двенадцать – это полнота человеческого рода. Двенадцать колен Израилевых, которые характеризуют весь человеческий род. Двенадцать апостолов, это совершенная форма. Двенадцать – это максимальное количество музыкантов камерного оркестра.

Двенадцать оснований Нового Иерусалима и двенадцать врат для входа в город жизни вечной. А число двадцать четыре, о котором говорит Иоанн в Апокалипсисе:

¹ См. примечания к текстам Е.Д. Спасского, опубликованным в № 8 «НиР».

² Ансамбли из семи и девяти исполнителей.

³ В соответствии с антропософским учением, не только человек проходит через повторяющиеся воплощения. Закону реинкарнации подчиняются все существа и все планеты во Вселенной. Наша Земля, со всем, что на ней находится, тоже прошла ряд воплощений и пройдёт следующие. Между двумя воплощениями Земли лежит период, когда она становится «невидимой». Он носит название «праздия», а время, когда наша планета воплощается, – «манвантара». Мы живём на планете Земля в её четвёртом воплощении. Антропософия даёт условные названия предыдущих воплощений планеты Земля – Сатурн, Солнце, Луна. Их нельзя смешивать с понятиями светил в астрономии или астрологии. Эти четыре воплощения нашей планеты есть проявления различных состояний одной и той же планеты. И ей ещё предстоит пройти три стадии своего воплощения – Юпитера, Венеры и Вулкана. Каждое состояние планеты проходит семь различных стадий своего развития, из духовного в физическое и обратно. Такая метаморфоза носит название «Рунда», или «состояние Жизни». Каждая «Рунда», в свою очередь, распадается на семь подразделений: Арупа, Руна, астральное, физическое, затем снова астральное, Руна и Арупа. Эти семь подразделений называют «Глобами», они являются «состоянием Форм». Таким образом, каждое воплощение нашей планеты прошло семь Рунд, в каждой Рунде семь превращений, или «состояний Формы». Сатурн, Солнце и Луна прошли 49 метаморфоз. То же самое проходит сейчас наша Земля, а в будущем пройдут Юпитер, Венера и Вулкан.

⁴ «И вокруг престола двадцать четыре престола; а на престолах видел я сидевших двадцать четыре старца, которые облечены были в белые одежды и имели на головах своих золотые венцы» (Откр 4: 4).

«двадцать четыре старца, сидевших на престолах»⁴, это число полное, совершенное и максимальное для симфонического оркестра. Всё, что свыше этого числа, – от лукавого или по недомыслию.

[...] Дальнейшие увеличения и гиперболические умножения, это болезненные наросты злокачественного происхождения. Такими злокачественными наростами болеет наша эпоха. [...] Это яркий признак того, что человек утратил духовность и правду [...].

[...] Что такое дирижёр и какое место его в оркестре? Нужен ли вообще дирижёр? Да, нужен и необходим. Но современное человечество совсем утеряло смысл и назначение дирижёра [...]. Дирижёр продумывает музыкальное произведение. Видит всё в целом это музыкальное здание, видит его во всех деталях. Внутренним зрением охватывает всё здание и погружает его в сердце. Он бродит по всем лабиринтам этого здания, с любовью переживая каждую деталь. Затем превращает себя в звук, в мелодию, и живёт в мире звука. Он – струна, натянутая в Космосе.

Или, точнее, человек – это музыкальный инструмент. Ведь большинство музыкальных инструментов, особенно ясно это видно на смычковых-струнных инструментах, создано по образу и подобию самого человека. Так же имеется головка, шейка, корпус и натянуты жилы или нервы. И дирижёр, и, конечно, всякий музыкант должен прежде, чем исполнять вещь, пережить себя инструментом, на котором должно быть исполнено то или иное произведение. В особенности это касается солиста, а дирижёр – это ведь тоже солист. И так, пережив себя, почувствовав себя инструментом, надо пожертвовать себя другому, выше стоящему существу. С большой любовью и при полной внутренней тишине стать музыкальным инструментом, на котором будет играть другой, а я превращусь в звучащий слух. Так должен пережить себя исполнитель, ищущий правды. Он – пассивное духовное ухо и наполненный звуками музыкальный инструмент. Тогда звук будет сам беседовать с ним. Он сроднится с замыслом композитора и с жизнью его души. Мир звуков, льющийся через него, сам ему расскажет и направит его не по рассудочному толкованию музыкального произведения, а по внутреннему переживанию правды, правды, услышанной когда-то автором. Это значит слиться своей душой с душой автора. Понять и увидеть те силы, тех существ, которые толкали и руководили автором и направляли его мысли и переживания на создание этого произведения. [...]

Эта встреча должна быть наполнена большой любовью и жертвой. Дирижёр должен расплавиться и потерять себя. Он должен стать тем автором, произведение которого он из-

брал для исполнения. Он должен дышать его дыханием. [...] Это одинаково касается и дирижёра, и солиста-исполнителя. Вот тут и начинается интимная беседа, особенная близость, родство. Так дирижёр и любой исполнитель погружается и соприкасается, или, вернее, сотворит, живёт вместе с автором в творческом процессе. Он неотделим от автора. [...]

Тут может возникнуть неправильное представление, [...] что будто бы дирижёр или исполнитель теряют свою индивидуальность, свою ячность [...]. Индивидуальность каждого человека свободна и неприкосновенна. Это – святое святых, [...] искра Божия, в которой человек создан по образу и подобию. Но люди часто под своей индивидуальностью понимают своё маленькое, эгоистичное, личное и проникнутое люциферическими силами Я. Вот это «Я» и надо потерять, отрешиться от него, чтобы стать поистине свободным. А в своём истинном «Я» мы в лоне Божьем, мы в Царствии Небесном. Там истина свободная и мудрость безграничная.

Итак, мы слились с автором, с его творческим процессом. А творческий процесс как проявление Духа, принёсший нечто в мир, никогда не умирает, вечно существует. Навсегда вписан в хронику мира. Прикоснись к нему, и ты станешь соучастником, не внешним наблюдателем, а сам творящим – с автором и в авторе. Вот только после этого и обретается свобода, полная свобода в истине. [...] Да, это жертва, но на этом пути жертвы приобретается огромная сила и твёрдость, мудрая уверенность. [...]

Вот таким, сопережившим всё это, дирижёр может уверенно идти в оркестр, то есть к своим близким друзьям, и рассказать им, поделиться своим внутренним опытом, своим познанием, своим откровением. Вдохновить всех музыкантов, доведя до ясного сознания каждого, рассказав каждому его задачу [...]. Тогда будет одно общее горение. Ибо оркестр – это общая молитва, единая направленность, единая жизнь.

[...] Дирижёр должен принимать самое активное участие в звучании, и даже главенствующее участие, но именно участие. Это раньше было вполне естественным. Дирижёр играл сам на одном из инструментов, будь то скрипка, клавишин, орган. [...] И почему-то позднейшие века освободили дирижёра от всякой игры и дали ему в руки дирижёрскую палочку, а XX век отобрал у дирижёра и палочку, достаточно, мол, тебе и твоих рук, размахивай ими в воздухе, вот и всё. И мы являемся свидетелями [...] этой глупости XX века. Теперь слушать музыку в исполнении оркестра с открытыми глазами нельзя, потому что между вами и музыкантами стоит фигура в чёрном фраке, дико размахивающая руками, то приседая, то подпрыгивая, при этом страшно гримасничая и дёргаясь. [...]

Дирижёры в наше время [...] навсегда потеряли мастерство настоящего музыканта [...] Сейчас это – жалкий дилетант и скверный музыкант, в большинстве случаев пианист. [...] В наше время остался один только дирижёр с мировым именем, это – Караян⁵, который, подсознательно чувствуя всю нелепость и абсурдность своего положения, не дёргается и старается возможно меньше и лаконичнее двигаться и жестикулировать. [...] Он на репетициях изживается в астрале, в сильных страстях, а вечером, на концерте, он сдержанный, напряжённый, но спокойный. О нём можно сказать: «Он мыслит музыку», и всё же и такая форма изжилась и должна отпасть.

[...] Хочется подробнее остановиться на задаче и смысле музыканта-солиста. [...] Если вы откроете латинский словарь и найдёте слово *solus*, от которого произошло понятие солиста, – и прочитаете объяснение этого слова, то оно очень короткое и точное – один, один только... Так оно и было в прежние века. Один только пел, один только играл. И именно в этом заключалась вся прелесть, вся значимость и ответственность подачи звука [...].

Звук – это тот же язык, та же речь. Он действителен, выразителен, но без слов, если говорить о музыкальном инструменте. Звук это – Космическая речь, понятная не только людям, но и животным, и растениям, и минералам. Недаром говорится, что древние стены города Фивы, камни этих стен, укладывались строго в определённом порядке под звуки кифары, на которой играл Орфей. И звери понимают этот язык, только человек за последние столетия утратил это понимание. Человек утратил духовный язык и духовное понимание музыки. [...]

Люди утратили и понимание сольного исполнения. Надо непременно примешать в бочку мёда ведро «дёлтга»/приклеить аккомпанемент/. Начиная с 17-го века во всех областях искусства наступил страшный упадок. [...] Арман ловко подтасовал карты, и люди поверили обману. Техника, голая техника заменила творческий процесс познания. Живое слово заменено цирковым фокусом. И солист стал непонятен и не нужен. И солирующий музыкант сам перепугался своего одиночества, своей ответственности. [...] И чем хуже и внутренне пустее исполнитель, тем большее число аккомпанирующих привлекает себе на помощь. [...]

[...] Дуэта в мире видимом, материальном, быть не может. Это абсурдная идея человека, утерявшего Бога. Ибо дуэт – это глубоко внутренняя форма. [...] Дуэт обязательно присутствует и существует в душе, во внутреннем мире

⁵ Герберт фон Караян (1908–1989) – выдающийся австрийский дирижёр, работал с Берлинским филармоническим оркестром.

и сознании солиста. Солист двуедин, а иначе и быть не может. Солист должен осознавать себя не единым, а в созвучии с высшим божественным существом: «Не я, но Христос во мне»⁶. Это истинное переживание солиста, и это – истинный дуэт. [...] А солист, играющий из себя, из своего маленького «Я», – это гордыня, это эгоистический и люциферический мираж. Солистом чистым может быть только Бог, начало начал всего созданного, всего сотворённого.

Итак, музыка – это царство инспирации⁷, могущественный мир чувств. И музыкант должен погружаться в этот мир чувств, изучить его и познать его. А богатый мир чувств нас окружает повсюду. Мы несём его в себе, и он разлит во всём космосе и в мире животном и растительном, и в планетах, и в неподвижных звёздах. Надо изучить его

язык и услышать его и в маленькой травке, и в облаках. Вот тут встаёт внутренняя работа [...]. И погружаясь ежедневно при полной тишине в эти переживания, человек начинает переживать этот мощный и богатый мир чувств. А это язык космоса, язык нашей планеты. [...] И солист должен находить прекрасные слова, целительную и животворящую речь. [...] И человек будущего должен будет влиять звуками музыки на целение человеческих болезней и даже на вращение нашей планеты.

[...] Музыкант должен работать над овладением инструментом, но не меньше – над овладением и познанием самого себя. Своё физическое, душевное

и духовное тело – наптончайший, несовершеннейший инструмент, овладение которым даёт большую ясность и глубочайшую мудрость. Такой настоящей, живой музыки жадет мир. Звук должен расколдовать мир и разбудить от глубокой спячки. И тут встают со всей силой слова апостола Павла: «Вся тварь стонет и плачет и ждёт своего освобождения»⁸.

[Из мемуарных набросков]
5-я глава. Часть вторая

Правда в жизни и в искусстве [О цвете]

Весы. Воспоминание о Египте. 1984

Цель и смысл моей жизни был искание правды и в жизни и в искусстве. Искусство же всегда для меня было той дверью, через которую я мог проникнуть в святая святых человеческих душ, [...] почувствовать пульс времени, эпохи прошлые и эпоху надвигающуюся настоящую, и своё место в ней.

Мудрейшее изречение древности гласит: «Человек, познай самого себя», а в познании себя откроется и весь Космос. А искусство настоящее, глубокое, сознательное, неукоснительно ведёт тебя именно к самопознанию. [...]

Цвет – это тайна; как звук, так и цвет является самым интимным душевным языком,

которым общаются люди. Как рисунок учит нас логически мыслить, так цвет очищает и облагораживает наш душевный мир, мир чувств, а воля присутствует и там и тут. Каждый цвет имеет свой смысл и своё значение. С каждым цветом надо уметь беседовать.

[...] Медицина на Западе поняла, что цвет действует на душу человека, на его психику. Каждый цвет оказывает на человека определённое воздействие, возбуждающее или успокаивающее. Цветом начали лечить, и это правильно.

[...] Взгляните на краски Египта; на окраску греческих зданий, на нашу старую иконопись, всюду радостный, и звенящий цвет.

Даже если не ходить так далеко, возьмите эпоху Возрождения, 15–16 век, как тогда живописцы [...] ценили цвет. Потому их и называли живописцами, а наших современников можно назвать грязнописцами. Это колоратские жуки человеческих душ.

⁶ «Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2: 19–20).

⁷ Р. Штайнер говорил о трёх ступенях высшего познания – имажинации, инспирации и интуиции: «Имагинативное познание даёт только внутренний мир, который перед высшим познанием следует характеризовать как мир образов. И оно даёт образы Космоса. Сам Космос и наше собственное истинное существо, каким оно было до рождения, до земного бытия, они впервые выступают в инспирации, когда духовный мир извне струится в нас. Но когда мы пришли к установке пустотного сознания, то наша душа наполняется сначала просто пробужденностью, и в этом просто пробужденном бытии мы должны смочь прийти к определённой внутренней тишине». «Кто хочет достичь инспирации, должен в более высокой мере, чем это необходимо в обычной жизни, вырабатывать моральные мужества, непоколебимой силы духа. Ибо лишь обладающий моральными мужествами, кто не отшатывается в страхе от чего-либо угрожающего при определённых обстоятельствах его персоне, способен стойко держаться по отношению к тому, что говорит ему через инспирацию» (ИСС т. 62 с. 430–431).

⁸ «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стонет и мучится доныне; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе στεаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего» (Рим 8: 19–23).

[...] Прекрасное – это воздействие чистого цвета на душу человека, чистого, насыщенного, звенящего цвета. [...]

Жёлтый цвет – [...] это сильное волевое начало, себя утверждающее. Он зарождается где-то и излучается в пространство, постепенно погасая и рассеиваясь. Его нельзя ограничивать, это противно его природе. Он изливается как снап света, как луч, улетающий в вечность. Он утверждает себя, но не ограничивает.

Следующий цвет – красный. Он тоже активный, но царящий в покое. Он не хочет изливаться и улечиваться, а настойчиво и даже торжественно желает пребывать в покое. [...] У каждого цвета много оттенков, много нюансов, но основного тона и настроения души это не изменяет.

Возьмём, к примеру, соединение жёлтого с красным, получим оранжевый цвет; он отчасти имеет тенденцию к улечиванию, но красный цвет вливает в него и самоутверждение. К этому цвету в основном стремятся люди психически не очень уравновешенные. Он их укрепляет и вливает уверенность в жизни и поступках.

Теперь перейдём к синему цвету (то есть все оттенки от голубого до глубокого синего). Этот цвет является дополнительным к жёлто-оранжевому. Он так же, как и жёлтый цвет, не остаётся в покое. Он дышит, лётся и рассеивается в обратном порядке, чем жёлтый. Жёлтый улечает в пространство, а синий улечает к центру. Синий изливается от периферии и потухает, исчезая в центре. Он сгущается к краям и тем самым замыкается и ограничивает себя. В нём человек переживает себя зерном, семенем.

Следующий цвет зелёный. Он является дополнительным к красному, но он не такой активный и напористый, как красный. Он царствует в покое. Его сущность, если можно так выразиться, – мыслящий покой.

Он образуется от смешения жёлтого и синего, то есть улечаящего в пространство и улечаящего в центр, а посредине, в точке двух улечаящих, и образуется зелёный, пребывающий в покое и утверждающий их. Равновесие мыслящего существа.

И, наконец, остаётся ещё два контрастных цвета, это чёрный и белый, как свет и тьма, день и ночь без сновидений. Они оба являются проявлением Духа. Чёрный является проявлением Духа в смерти, в сгорании, в угле, а белый – душевное проявление в Духе.

Посмотрите, как подсознательно люди действуют, но правильно: на похороны одевают чёрное, а на свадьбу – белое.

[Завещание]

Дорогие мои и горячо любимые друзья!

На прощанье наше мне захотелось сказать вам несколько слов, вынесенных мною из жизненного опыта. Что самое главное и самое важное в жизни? Понять смысл и цель нашей жизни.

Для чего мы пришли сюда, в этот мир? Самое важное найти себя и осознать своё место в этом суетном мире. Мы приходим не для размножения потомства; этим заняты и растительный и животный мир, а мы приходим для размножения любви чистой, светлой и всеобщей. Для размножения мудрости, Божественного света и Божественного знания [я].

Удивляйтесь всему, [что] встречается на вашем пути, любите всё и погружайтесь в себя в тишине, советуясь с самими собой, контролируя свои действия, свои мысли и свои переживания.

Я ведь не пришёл в мир получать только удовольствия или переживать огорчения, но из всего извлекать знания и мудрый опыт. Учись везде, всему, всегда и знай, что всё даётся не случайно, но чтобы обогатить нас. А мы должны всё, весь жизненный опыт перерабатывать внутри себя и возвращать миру – сам-пятьдесят, сам-сто, как пшеничное зерно.

Не живи для себя, а всё для мира, для людей.

Всё, что получаешь, отдавай, выноси из себя с мудростью, с жаром, с любовью; и без любви не делай ничего, собирай знания не для себя.

Человек – самое прекрасное и мудрое существо на земле. Для тебя сам Бог спустился на землю.

Итак, найди себя, своё место и высоко носи свой долг перед миром. Мы все должники перед давним нам жизнью – этот драгоценный неоценимый дар.

Итак, живи, расти и размножайся в любви и премудрости перед Богом и человеками.

Ничего для себя – всё для мира, для людей.

МИР И КРЕПОСТЬ ВАМ.

Ваш Е. Спасский

Уж приближается мой час. 1985